

ПРОТИВ АНТИНАУЧНЫХ УПРАЖНЕНИЙ С. КОСТИЧА

Н. Н. Яковлев

Нынешний острый интерес народов к международным отношениям объясняется рядом причин. В современном мире, когда существуют две социально-экономические системы, когда на наших глазах строится коммунистическое общество, когда в Азии, Африке, Латинской Америке рухнули оковы колониализма и возникли государства, ставшие на путь независимого развития, а у народов капиталистических стран растет тяга к социализму,— необычайно возросло значение внешней политики государств, международных отношений. Советское правительство, правительства других социалистических стран, проводя внешнюю политику в интересах трудящихся масс, стремятся помочь им сознательно разобраться в вопросах политики, правильно понять международное положение и деятельность дипломатии. Народные массы, пережившие ужасы двух мировых войн, постоянно наблюдающие агрессивные действия реакционных империалистических кругов и выступающие против них, стали необычайно внимательны к международным делам; их особенно волнуют и интересуют вопросы войны и мира.

«Верные заветам Ленина, советский народ и его Коммунистическая партия на протяжении полувека неуклонно следовали линии пролетарского интернационализма, исходили из принципа нераздельности интернациональных и национальных задач страны победившего социализма»¹.

В этих условиях особенно велика роль общественных наук. Они не только объясняют прошлое, но и помогают уяснить будущее — генеральную линию развития мира. Как никогда раньше, важен объективный подход к событиям, дающий возможность извлечь должные уроки из прошлого и плодотворно использовать их для нужд сегодняшнего и завтрашнего дня. Изучение международных отношений тесно связано с текущей политикой.

Пятьдесят лет тому назад, 23 мая 1917 г., В. И. Ленин в центральном органе большевистской партии, газете «Правда», выразил справедливое пожелание в статье «Тайны внешней политики», чтобы народные массы читали книги по истории дипломатии. Такое время наступило. Многие миллионы людей стали пристально следить за литературой этого рода. Наука о международных отношениях и международное право в сегодняшнем мире играют все большую роль, причем к ним предъявляются новые, повышенные требования в отношении объективности, точности исследования и обоснованности выводов. Речь идет о том, чтобы исключить возможность искажения исторической истины. Так понимают одну из своих задач марксисты-международники.

С этих позиций оцениваются и усилия, предпринятые в области изучения и изложения истории международных отношений. Интерес к ним

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М. 1967, стр. 63.

громаден, ибо речь идет об основной проблеме современности — война или мир. Исследователь в этой области находится ныне в более выгодном положении. После второй мировой войны были открыты и стали достоянием гласности секретнейшие архивы Германии, Италии и Японии. Были проведены процессы над главными военными преступниками². Это дало возможность познакомиться с кухней подготовки фашистской агрессии. В то же время правительства США, Англии, Франции в целях оправдания своей предвоенной политики предприняли после 1945 г. обширные многочисленные публикации внешнеполитических документов. Хотя документы там подобраны тенденциозно, в сопоставлении с другими имеющимися материалами они позволяют пролить дополнительный свет на дипломатическую историю 30-х годов. Поистине неоценимое значение имели публикации советских документов и зарубежных трофейных, подготовленные МИД СССР. Соответствующие сборники документов и материалов³, касающиеся кануна второй мировой войны и ряда важнейших событий в ходе ее, камня на камне не оставили от различных имеющих хождение на Западе фальсификаторских версий истории тех лет. В результате возникли благоприятные условия для разработки проблем международных отношений кануна и периода второй мировой войны. Каждая новая работа по этим вопросам встречается с большим интересом, тщательно изучается и анализируется. И не случайно работа югославского ученого д-ра Станиши Н. Костица (Загребский университет) «Международные отношения и международное право»^{*} также не прошла незамеченной. Книга издана, что особо оговаривается в ней, как учебное пособие для студентов высших учебных заведений и общественно-политических работников. С одной стороны, «учебник,— указывается в предисловии,— согласован с учебными планами и программами наших факультетов; с другой стороны, автор стремился выбрать и обратить внимание на самые важные и существенные международные события, которые оказали влияние на теорию и практику международных отношений и международного права; стремился показать их внутреннее и внешнее развитие». Автор, следовательно, надеется, что его концепции пригодны для формирования взглядов учащейся молодежи и лиц, изучающих международные отношения. Короче говоря, он ставит знак равенства между своей личной позицией и собранием проверенных истин, каковые обычно включаются в учебник.

Коль скоро это так, автор дает свою продуманную концепцию истории международных отношений, что уже само по себе примечательно. Концепция эта развита на более чем 500 страницах убористой печати. Это дает возможность достаточно полно ознакомиться с авторскими выводами. Поскольку сам автор, по-видимому, отсеял второстепенное, можно повести разговор о главном.

Рассматриваемая книга состоит из пяти больших глав: Первая мировая война; Лига Наций; Вторая мировая война; Организация Объединенных Наций; Международное публичное право. Она охватывает время с 1914 г. до 1963 года. Итог развитию международных отношений подводится в обширном разделе о Белградской конференции неприсоединившихся государств (сентябрь 1961 г.). Примерно две трети объема книги занимает изложение международных отношений. Рассмотрение международного права носит подчиненный характер. Вероятно, специа-

² См., например, «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками». Сборник материалов в семи томах. М. 1957—1960.

³ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны». Тт. 1—2. М. 1957; «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны». Документы и материалы. М. 1960; «Документы и материалы кануна второй мировой войны. Из архива министерства иностранных дел Германии». Тт. 1—2. М. 1948; «Фальсификаторы истории (историческая справка)». М. 1948, и др.

* S.N. KOSTIĆ. *Međunarodni odnosi i međunarodno pravo*. Zagreb. 1966. 535 s.

листы могли бы вынести суждение по последнему поводу. Мы же оставляем здесь это в стороне и вслед за автором обратимся к узловым моментам международных отношений, что даст возможность четко проследить основную концепцию С. Костица.

1. Как известно, после прихода Гитлера к власти в Германии, образования очагов войны в Европе и на Дальнем Востоке правительства ряда западных держав встали на путь сговора с фашистскими агрессорами, чтобы толкнуть их на войну против СССР. В то же время Запад срывал все усилия Советского Союза, направленные на создание системы коллективной безопасности. Эта преступная политика в конце концов привела ко второй мировой войне. Все это ныне является хрестоматийными истинами. Известны и истоки подобной политики Запада — слепой, звериный антикоммунизм. Впоследствии ряд крупных западных деятелей глубоко сожалел о внешнеполитическом курсе своих правительств в 30-е годы, который способствовал возникновению военной катастрофы. Представляя парламенту в феврале 1945 г. Ялтинские соглашения, министр иностранных дел Англии А. Иден предложил депутатам вспомнить о «жупеле большевизма и о том, как хорошо Гитлер использовал его. Как часто презрежавшим в Нюрнберг немцы говорили о страхе перед Россией. Мне много пришлось услышать об этом лично во время бесед с Гитлером. Может ли кто-нибудь усомниться, что эта пропаганда мешала нам установить взаимопонимание с Россией? Может ли кто-нибудь сомневаться сейчас в том, что если бы в 1939 г. было единство между Россией, Британией и США, которое создано в Ялте, то эта война никогда бы не разразилась?»⁴. Кажется, сказано ясно.

В книге С. Костица содержится совершенно иная интерпретация критических событий кануна второй мировой войны. В ней не сказано ничего о политике поощрения агрессоров и сговора с ними западных держав. Не раскрывается борьба СССР за создание коллективной безопасности. Вот как в книге, например, описывается интервенция Германии и Италии во время национально-революционной войны в Испании: «Фашистский генерал Франко был большим другом Гитлера и Муссолини, и они помогли ему в утверждении контрреволюции» (стр. 94). Причины западного «невмешательства» в испанские дела? Оно «было выгодно мировому финансовому капиталу, для которого являлось превосходным прикрытием для различных международных акций, как, например, поставку вооружения, задержка вывоза испанской нефти, продажа через Францию английского олова Германии и Италии и многое другое, что можно было извлечь из этой «интернациональной войны». И все. Разумеется, автором сказано о «бурной реакции свободолюбивого человечества» на войну в Испании, но о помощи СССР законному республиканскому правительству содержится глухое упоминание в придаточном предложении... Аншлюс Австрии? Это всего лишь доказательство «слабости» западных держав (стр. 95). Таким же образом трактуется позорный Мюнхенский сговор.

Иными словами, автор полностью обходит политический смысл тогдашней линии Запада — направить агрессоров на Советский Союз, самим оставшись в стороне с тем, чтобы, когда воюющие стороны взаимно ослабят друг друга, вступить в войну и продиктовать свои условия мира. Именно так, задним числом, вынуждена трактовать вопрос даже современная буржуазная историография. В американском учебнике для колледжей проф. Т. Бейли сказано: «В западных демократиях беспринципно говорили о том, что нужно направить Гитлера на Сталина с тем, чтобы они истекли кровью на просторах России, в то время как демократические страны остались бы в безопасности»⁵. Официальный американ-

⁴ «Hansard», vol. 408, col. 1516—1517.

⁵ T. Bailey. A Diplomatic History of the American People. N. Y. 1958, p. 709.

ский историк Снелл подчеркивает: многие английские консерваторы «настолько обожали Гитлера или боялись коммунизма, что не препятствовали восстановлению мощи Германии», а Чемберлен усматривал в ней «мощный бастион против России»⁶.

Наконец, вот немаловажное свидетельство видного политического деятеля Л. Джонсона, ныне президента США. За его плечами — десятилетия деятельности в американском конгрессе. Уже давно он сформулировал свое кредо относительно истории: выступая в марте 1955 г., Л. Джонсон заметил: «На мой взгляд, нам следует оставить историю на долю профессиональных историков. Я всегда считал, что надлежащая роль для политических деятелей — обсуждать, что можно сделать, а не то, что можно переделать»⁷. Следовательно, Л. Джонсон если и берется высказываться по историческим сюжетам, то выражает общепринятую точку зрения западной историографии. И вот применительно к разбираемым событиям Л. Джонсон еще в 1947 г. сказал в конгрессе: «Франция могла остановить Гитлера, когда он вторгся в Саарскую область. Франция и Англия могли бы предотвратить оккупацию Австрии, а позднее не дать возможности нацистам захватить Чехословакию. Соединенные Штаты, Англия и Франция могли бы не допустить разгрома Польши, если бы была общая решимость остановить агрессию. Японию можно было бы остановить перед тем, как она вторглась в Маньчжурию, и, вне всяких сомнений, ее можно было бы остановить, когда она начала войну против беззащитного Китая. Однако sireны умиротворения убедили нас, что происходившее в Китае или даже в мире нас не касалось, и таким-то образом Франция была принесена в жертву честолюбивым замыслам фашистов, а судьба Англии решалась в небесах над Лондоном»⁸. Сказано за двадцать лет до выхода в свет сочинения д-ра С. Костица...

Что касается позиции СССР в канун войны, то в книге С. Костица либо умалчивается о ней, либо она освещается в извращенном виде. Нет ни слова о предложениях Советского Союза организовать коллективные меры противодействия агрессору в связи с захватом Австрии. По мнению С. Костица, в канун Мюнхена СССР, имевший договор с Чехословакией, был готов ей помочь, но с условием, что это же сделают Франция и Англия» (стр. 96). Но ведь Советское правительство поставило Прагу в известность, что Красная Армия тотчас придет на помощь Чехословакии, если Чехословакия сама станет защищаться и попросит о помощи Советское правительство; СССР отнюдь не связывал оказание помощи Чехословакии с позицией Франции или Англии.

Вопрос этот всесторонне исследован в советской и зарубежной прогрессивной историографии. Давно уже опубликованы соответствующие материалы. Еще в середине мая 1938 г. Советское правительство сообщило Бенешу, что Советский Союз придет к Чехословакии на помощь независимо от Франции, однако при том условии, что Чехословакия решит дать отпор агрессору и обратится с просьбой о помощи к СССР⁹. Ранней осенью 1938 г. Советское правительство приняло предупредительные меры, выдвинув к западной границе 30 стрелковых дивизий, привело в состояние боевой готовности авиацию и танковые части. Об этом было сообщено как в Прагу, так и в Париж. 22 августа 1938 г. М. М. Литвинов твердо заявил германскому послу в Москве: «Мы также выполним свои обязательства перед Чехословакией»¹⁰. Это не было секретом для тогдашних западных дипломатов: американский посланник

⁶ J. Snell. *Illusion and Necessity. The Diplomacy of Global War 1939—1945*. Boston. 1963, pp. 11—12.

⁷ «Congressional Record», vol. 101, p. 3336.

⁸ «Congressional Record», vol. 93, pp. 4695—4696.

⁹ См., например, Э. Ротштейн. Мюнхенский сговор. М. 1959, стр. 245—246, 251—256.

¹⁰ «Новые документы из истории Мюнхена». М. 1958, стр. 66.

✓ в Праге Керр 18 сентября 1938 г. сообщал о беседе с министром иностранных дел Чехословакии Крофта, который заявил американцу: «...Им дали знать, что в случае крайней необходимости СССР может прийти на помощь Чехословакии независимо от Франции»¹¹. Эти факты давно стали достоянием исторической науки. Однако для них не нашлось места в разбираемой книге.

Создается впечатление, что автор преследует определенную цель — возложить ответственность за возникновение второй мировой войны на Советский Союз. Во-первых, С. Костич стремится обойти тот факт, что цель капитуляций Запада была вызвана желанием Лондона и Парижа направить гитлеровскую агрессию именно на Восток, против СССР, и что Мюнхен прямо привел ко второй мировой войне. Это поразительно! Даже на Западе ответственные деятели не отрицают причинной связи между Мюнхеном и этой войной. Президент США Д. Эйзенхауэр, например, в речи по радио в сентябре 1958 г. говорил: «Разве мы не помним, что слово «Мюнхен» означает напрасную надежду умиротворить агрессоров?.. В Европе умиротворение рассматривали как дорогу к миру. Демократические государства считали, что, если они попытаются остановить происходящие события, это будет означать войну. Но именно из-за этих повторных отступлений и разразилась война»¹².

Во-вторых, исказив международные отношения второй половины 30-х годов и говоря затем о советско-германском пакте о ненападении, автор прямо формулирует вывод: «Судя по всему, подписание пакта с Гитлером — плод тех же политических и стратегических ошибок, что и совершенные Францией и Англией по отношению к Гитлеру в вопросах Испании, Эфиопии, Чехословакии, Саарской и Рейнской областей. Этот вывод напрашивается под давлением фактов» (стр. 110). Каких? По странной логике автора, можно найти два таких «факта»: 1. «Захват Чехословакии принес гитлеризму в качестве военного трофея огромный чехословацкий промышленный потенциал и самое современное вооружение. Кроме того, 23 августа 1939 г. Гитлер и Сталин заключили договор о ненападении, что вызвало всеобщее замешательство в мире» (стр. 96); 2. «Неизбежно напрашивается мысль: только ли Великобритания была единственным и исключительным виновником затяжки переговоров Великобритании — СССР? (весной и летом 1939 г.— Н. Я.). Ведь сам Сталин, основываясь на концепции об использовании разногласий между западными союзниками и Германией, содействовал тому, чтобы эти переговоры остались безрезультатными» (стр. 108).

✓ Тезис о том, что виновником срыва англо-франко-советских переговоров является Советский Союз, имеет хождение не в подлинно научном мире, а более всего в антикоммунистической пропаганде. Однако, поскольку автор пытается все же возложить вину за возникновение второй мировой войны на СССР, ссылаясь главным образом на советско-германский пакт от 23 августа 1939 г., приходится вновь, в который уже раз, заняться освещением этого вопроса.

2. Вопрос о советско-германском пакте о ненападении от 23 августа 1939 г. не нов. О нем написано очень много, и, разумеется, оценки этого пакта на Западе нередко зависят от «социального заказа». Если приходится сейчас еще раз обращаться к этому договору, то это делается не в целях убеждения убежденных, а для выполнения куда более ограниченной задачи — сопоставить общеизвестные факты с концепцией, развитой в книге. Прежде всего — фактическая сторона дела. Начнем с генезиса договора.

«Из различных опубликованных после смерти Сталина документов,— пишет автор,— сейчас нам совершенно ясно, что пакт Гитлер —

¹¹ «Foreign Relations of the United States, 1938», vol. 1, p. 615.

¹² «U.S. News and World Report», September 19, 1958, pp. 108—109.

Сталин возник не неожиданно, а, напротив, долго и планомерно готовился... Мы можем заключить, что перелом в сознании Сталина произошел еще во время гражданской войны в Испании. Нам представляется, что еще во время войны или непосредственно после нее Сталин принял решение о сотрудничестве с Гитлером» (стр. 108). Откуда взялись эти выводы? Автор «уточняет»: «Американские ученые утверждают, что СССР первым предложил Германии переговоры. Это было в апреле 1939 года» (стр. 107). Такова версия С. Костица о предыстории договора о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года. Как же обстояло дело в действительности?

Прежде всего насчет «американских ученых» и даты «апрель». Версия эта действительно имеет хождение на Западе, и восходит она к печально известному сборнику госдепартамента США «Нацистско-советские отношения 1939—1941 гг.», выпущенному в 1948 году. Там была помещена телеграмма статс-секретаря МИД Германии Вейцекера германскому послу в Москве Шуленбургу, в которой указывалось: «Вопреки спланированной нами ранее тактике, мы теперь в конце концов решили установить некоторые контакты с Советским Союзом». В этой связи американский публицист и историк У. Ширер пишет: «В (указанном.— Н. Я.) сборнике... английский перевод телеграммы с немецкого сделан значительно сильнее. Ее важнейшая фраза звучит так: «Мы теперь твердо решили вступить в переговоры с Советским Союзом». Такой перевод заставил многих историков, включая Черчилля, заключить, что телеграмма от 30 мая ознаменовала решительный поворот в усилиях Гитлера достичь сделки с Москвой. Но этот поворот произошел позднее»¹³.

Итак, генезис концепции С. Костица прослежен: она восходит к пропагандистскому творению госдепартамента США. Это творение убедило автора данной книги, но не убедило многих на Западе. У. Липпман писал, например, 12 февраля 1948 г. в связи с выходом в свет этого сборника: «Публикация — классический пример дурной пропаганды..., которая окажется бумерангом, приносящим больше вреда нам и нашим друзьям, чем русским, против которых она направлена... Что сборник государственного департамента является работой пропагандистов, а не ученых, видно с первого взгляда. В нем содержатся только нацистские документы; ни один уважающий себя историк и не подумает основывать свои суждения на документах лишь одной стороны, когда речь идет о серьезном историческом событии»¹⁴. Видимо, полезно обратить внимание С. Костица на профессиональные критерии, которые приняты даже в западной историографии. Но это уже другой вопрос. Вернемся к пакту.

Еще с начала 1939 г. Германия стала зондировать почву относительно заключения торгового соглашения с Советским Союзом. Советское правительство очень сдержанно реагировало на демарши германской стороны. 10 мая 1939 г. германскому послу в Москве Шуленбургу народный комиссар иностранных дел указал, что в обстановке крайней враждебности тогдашней германской политики к СССР развитие экономических отношений с Германией представляется затруднительным. Обращения германской стороны об улучшении политических отношений с СССР не получили тогда развития. 25 июля 1939 г., например, ответственный чиновник МИД Германии Шнурре, ссылаясь на Риббентропа, заявил советскому поверенному в делах в Берлине А. Г. Астахову «о необходимости улучшения политических отношений между СССР и Германией», жалуясь на то, что «все попытки германской стороны заговорить на эту тему Наркоминдел оставил без ответа»¹⁵.

¹³ W. Shirer. The Rise and Fall of the Third Reich. N. Y. 1960, p. 660.

¹⁴ Цит. по: D. Fleming. The Cold War and its Origins. Vol. 1. L. 1961, pp. 106—107.

¹⁵ «История внешней политики СССР». Ч. I. М. 1966, стр. 347—348.

✓ В начале августа 1939 г. переговоры берет в свои руки сам Риббентроп, пригласивший 3 августа А. Г. Астахова к себе и «соблазнявший» его «грандиозными перспективами», долженствующими возникнуть из германо-советского сближения. Разговора не получилось. Советский поверенный в делах был сдержан в ответах. 4 августа в Москве, во исполнение поручения Риббентропа, германский посол Шуленбург явился к народному комиссару иностранных дел. Новая беседа; повторяются аргументы Риббентропа; итог: «Застарелое недоверие к Германии остается очень сильным, — доносит посол шефу в Берлин. — Мое впечатление таково, что в настоящее время Советское правительство решило заключить договор с Англией и Францией»¹⁶. Напомним, что дело происходило на критической стадии англо-франко-советских переговоров.

В Берлине между тем нарастало нетерпение. Немецкий министр иностранных дел явно не справлялся со своей миссией, хотя перед советской стороной делал вид, что «не торопится». 4 августа вновь состоялся разговор А. Г. Астахова со Шнурре. Почему, собственно, Шнурре так спешит? Обескураженный немец пробормотал (о чем донес в меморандуме Риббентропу): «Хотя вчера вечером министр иностранных дел не дал понять Советскому правительству, что дело срочное, мы тем не менее считаем целесообразным использовать следующие несколько дней, чтобы по возможности заложить основу» для переговоров¹⁷.

Между тем Риббентроп в высших сферах нацистской партии добивался распространения версии об успехах, будто бы одержанных им в переговорах с Советским Союзом, и Гитлер попытался склонить теперь Италию к участию в войне Германии с Польшей. 12 августа Гитлер принял в Оберзальцбурге министра иностранных дел Италии Чиано. Стоя у громадного стола, заваленного военными картами, «фюрер» объявил итальянцу, что начинает войну против Польши. Чиано слабо возражал, ссылаясь на неподготовленность Италии к войне. Очередную тираду Гитлера прервал вошедший офицер. Он вручил ему «телеграмму из Москвы». Прочитав ее, Гитлер воскликнул: «Русские согласились принять политического представителя в Москве!» (последний довод, чтобы убедить Чиано).

✓ Но Чиано не поверил. В своем дневнике он пометил 13 августа: «Я возвращаюсь в Рим с глубоким отвращением к немцам, их вождю, их манере вести дела. Они предавали нас и лгали нам...». Чиано был недалек от истины: телеграмма Шуленбурга из Москвы от 12 августа была посвящена сердечному приему в советской столице английской и французской военных миссий. Иных «телеграмм» не было. В Оберзальцбурге была действительно по телетайпу получена телеграмма, только не из Москвы, а с Вильгельмштрассе, из ведомства Риббентропа. Фальшивка Риббентропа не раз впоследствии использовалась в неприглядных целях, чтобы оклеветать внешнюю политику СССР. Эта «телеграмма» была включена в уже упоминавшийся сборник «Нацистско-советские отношения 1939—1941 гг.».

✓ Серьезные буржуазные историки, давным-давно разобрав вопрос, указали, что «телеграмма» от 12 августа была состряпана специально по поручению Риббентропа. У. Ширер, например, указывает, что происхождение этого документа «весьма сомнительно»¹⁸. Маститый английский историк Л. Нэмир, потрясенный трагедией второй мировой войны, в конце 40-х годов оторвался от своей излюбленной сферы интересов — британской парламентской истории XVIII столетия — и написал несколько исследований, посвященных 1939 году. В одном из них он проследил

¹⁶ «Documents of German Foreign Policy 1918—1945» (DGFP). Series D, vol. 6, p. 1062.

¹⁷ Ibid., pp. 1051—1052.

¹⁸ W. Shirer. Op. cit., p. 685.

происхождение слухов об «успехах» Германии в переговорах с СССР в начале августа 1939 г., происхождение телеграммы от 12 августа и указал на их источник — Вильгельмштрассе. Он прямо объявил эту телеграмму фальшивкой¹⁹. Делая это, Л. Нэмир, по всей вероятности, пребывал в счастливой уверенности касательно значения истории. «Великий историк,— как-то заметил Л. Нэмир,— подобен великому художнику или врачу: после того, как он выполнил свою работу, другие уже не могут практиковать в его сфере методы предшествующих лет»²⁰. Походя заметим: Л. Нэмир не предвидел усилий автора, книгу которого мы разбираем...

Между тем гитлеровское руководство с глубокой тревогой следило за переговорами в Москве с военными миссиями Англии и Франции. А. Г. Астахов тогда же сообщал: «Их явно тревожат наши переговоры с англо-французскими военными, и они не щадят аргументов и посулов самого широкого порядка, чтобы предотвратить эвентуальное военное соглашение. Ради этого они готовы сейчас, по-моему, на такие декларации и жесты, какие полгода тому назад могли казаться совершенно исключенными». Это было абсолютно очевидно Советскому правительству. В то же время и в Берлине и в Москве понимали смысл дипломатической тактики Запада. 14 августа германское правительство поручило Шуленбургу сделать советским руководителям следующее заявление: «В настоящее время они (Англия и Франция.— Н. Я.) вновь пытаются... втравить Советский Союз в войну с Германией. В 1914 г. эта политика имела для России худые последствия. Интересы обеих стран требуют, чтобы было избегнуто навсегда взаимное растерзание Германии и СССР в угоду западным демократиям»²¹. Германское правительство предложило Советскому правительству направить в Москву министра иностранных дел для подписания пакта о ненападении.

15 августа Шуленбург выполнил поручение своего правительства. С крайним разочарованием он докладывал Риббентропу об уклончивой позиции Москвы. В ответ нацистский министр настоятельно потребовал от посла устроить его поездку в СССР «в любое время после пятницы 18 августа». 20 августа к Советскому правительству с соответствующим запросом обратился рейхсканцлер Германии. Наступил критический момент; нужно было без промедления выносить решение.

Неискренность Лондона и Парижа не вызывала никаких сомнений. Бывший югославский посол в СССР М. Гаврилович в середине июня 1941 г. рассказал в американском посольстве в Анкаре о беседе с И. В. Сталиным. Запись рассказа, сделанная американскими дипломатами, гласила: «Г-н Гаврилович сказал, что во время его беседы со Сталиным последний сослался на переговоры с союзниками, предшествовавшие подписанию пакта о ненападении между Советским Союзом и Германией. Сталин заявил, что тот факт, что представители союзников на переговорах были второстепенными чиновниками, не облеченными полномочиями; позиция Польши, отказавшейся дать свое согласие на проход русских войск через Польшу или на перелет русских самолетов через нее; позиция французских военных, которая указывала на то, что Франция собирается оставаться за линией Мажино и не предпринимать наступательных операций против Германии,— ясно показали Советскому правительству, что всякое заключение пакта с союзниками привело бы к тому, что Советскому Союзу пришлось бы нести все бремя германского нападения в момент, когда Советский Союз не мог справиться с германским нападением»²².

¹⁹ L. Namiér. *Diplomatic Prelude*. L. 1948, pp 267—268.

²⁰ См. «*Studies in the Philosophy of History*». N. Y. 1965, p. 97.

²¹ Архив МО СССР, ф. 1, оп. 2082, д. 14, лл. 405—406.

²² «*Foreign Relations of the United States, 1941*». Vol. 1, pp. 313—314.

Обстановка летом 1939 г. была чрезвычайно серьезной. Державы фашистской «оси» рвались к войне. В Европе гитлеровское руководство завершало последние приготовления к ней. Попытки Советского правительства организовать фронт коллективной безопасности не увенчались успехом. Больше того (о чем стало известно после войны): правительство Чемберлена вело тайные переговоры с гитлеровцами, готовое на широкую договоренность с Германией в интересах борьбы с «коммунизмом». На Дальнем Востоке Советский Союз имел как бы необъявленную войну с Японией. Японские милитаристы напали на МНР у реки Халхин-Гол, и на монгольской границе шли ожесточенные бои, в которые были вовлечены крупные контингенты Советских Вооруженных Сил.

Советское правительство встало перед очень трудным решением: либо отклонить предложение Германии и наверняка в самое ближайшее время оказаться в войне с ней, которая неизбежно вылилась бы в «крестовый поход» капиталистического мира против страны социализма; либо принять это предложение и на некоторое время отсрочить нападение Гитлера на СССР. Короче говоря, получить «передышку».

Элементарный здравый смысл диктовал принятие второго варианта. Нельзя было идти на риск всеобщей войны с капиталистическим миром. Необходимость защиты Советского Союза повелительно требовала от Советского правительства выйти из-под угрозы немедленного вражеского нашествия, созданной усилиями дипломатии Запада. В этих условиях 21 августа Советское правительство согласилось на приезд в Москву фашистского министра. То был нелегкий шаг для Советского Союза.

В свете этих ныне в общем известных фактов поразительно выглядят утверждения, содержащиеся в книге С. Костица, что пакт о ненападении между СССР и Германией «долго и планомерно готовился». Но автор идет еще дальше, когда пишет: «По приезде Риббентропа в Москву пакт был подписан в течение той же ночи без каких-либо разногласий, о чем свидетельствуют фотографии участников переговоров того времени с улыбающимися лицами» (стр. 107). «Блестящее» доказательство и удивительная логика! С каких пор протокольное фото является исходным пунктом для далеко идущих политических выводов? Известно зато другое. Немцы привезли в Москву пышную преамбулу к договору, в которой трактовалось о дружбе Германии и СССР. И. В. Сталин отверг их предложение открыть договор respectableм клише, указав: «Советское правительство не может внезапно представить народу заверения в дружбе после того, как нацистское правительство на протяжении шести лет поливало его ведрами грязи»²³.

Договор о ненападении, подписанный в Москве 23 августа 1939 г., не отличался в принципе от аналогичных договоров, заключенных множеством других государств в 30-е годы. Советское правительство не пошло дальше обязательств, налагавшихся такого рода документами. Статья 3-я пакта предусматривала, что стороны «останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы». Заключением этого договора была достигнута основная цель, которую искало тогда Советское правительство: нападение Германии на СССР было отсрочено.

Советское правительство не могло быть безразличным и к судьбе братских украинского и белорусского народов, частично находившихся в составе тогдашней Польши. Ввиду напряженной обстановки во время заключения пакта с Германией, советской стороной было сделано все, чтобы защитить эти народы. Перенос советской границы на запад имел неопределимое значение для укрепления обороноспособности Советского

²³ «Trial of the Major War Criminals». Vol. 10, p. 312.

Союза. Укрепление обороноспособности Советского государства означало усиление социализма, базы мирового прогресса. Это значило также, что возрастала мощь страны, которая в рамках антигитлеровской коалиции сокрушила в 1941—1945 гг. державы фашистской «оси» и принесла освобождение пострадавшим народам. Память о вкладе СССР в ход и исход второй мировой войны останется в веках. Данное обстоятельство ясно не только ныне, когда от событий второй мировой войны нас отделяет более двух десятилетий. Трезвые политические деятели Запада, современники происходившего, сумели уже тогда по достоинству оценить действия Советского правительства. Взглянем хотя бы на некоторые свидетельства того времени. Общеизвестно выступление по радио У. Черчилля 1 октября 1939 г., когда он сказал: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть. Когда г-н фон Риббентроп был вызван на прошлой неделе в Москву, то это было сделано для того, чтобы он ознакомился с этим фактом и признал, что замысел нацистов в отношении Балтийских государств и Украины должен быть положен конец»²⁴. Министр внутренних дел в правительстве Ф. Рузвельта Г. Икес записал 26 августа 1939 г. в своем дневнике: «Мне трудно винить Россию за пакт. Единственный виновник — Чемберлен. Англия могла прийти к удовлетворительному соглашению с Россией много месяцев или даже лет тому назад. Россия была готова совместно воевать с Англией и Францией еще в защиту Чехословакии»²⁵. 23 сентября 1939 г. Д. Ллойд Джордж писал: «Русские армии вступили на территории, которые не являются польскими и которые были насильственно аннексированы Польшей после первой мировой войны, несмотря на горячие протесты и вооруженное сопротивление их населения... Было бы преступной глупостью ставить на одну доску русское и германское продвижения»²⁶.

Ни один из деятелей, суждения которых приведены здесь, не был замечен в симпатиях к коммунизму. Однако даже они дали объективную оценку советской политики в то время. А вот С. Костич не поднялся до нее, именуя воссоединение Западной Украины и Белоруссии с СССР «четвертым» разделом Польши (стр. 112). На стр. 109—110 своей книги С. Костич пишет: «...Следует прийти к выводу, что если бы в связи с нападением Гитлера на Польшу Советский Союз... объявил бы войну агрессору, то это привело бы наряду с концентрацией западных сил под руководством Англии и Франции к концентрации восточных сил под руководством СССР. Условия для этого существовали, если учесть наличие антигитлеровских тенденций в Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии и Греции. Еще вопрос, развивалась ли бы гитлеровская стратегия в Польше и позднее в СССР, если бы было что-то сделано в плане своевременной организации такого фронта на Востоке». Цитата эта говорит сама за себя. Данный учебник учит задним числом Советский Союз, как ему надлежало поступить, и рекомендует именно тот образ действий, осуществления которого в свое время, безусловно, добивалась международная империалистическая реакция. Именно за это в наши дни пытаются упрекать Советский Союз на Западе. Официальный английский историк У. Медликотт писал: «Насколько сильнее была бы советская позиция, если бы Россия, а не западные державы, вступила в войну в 1939 году»²⁷. Дело осталось за малым: Советскому Союзу нуж-

²⁴ «Фальсификаторы истории (историческая справка)». Госполитиздат. 1948, стр. 58.

²⁵ «The Secret Diary of Harold L. Ickes». Vol. 2. 1954, p. 703.

²⁶ См. W. P. and Z. K. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations. Vol. I. L. 1943, pp. 624—625.

²⁷ «The Times», 17.III.1964.

но было бы схватиться один на один с Германией. Тогда бы наша страна «удостоилась» похвал со стороны С. Костица и определенных кругов в Англии.

Дело этим не ограничивается. С. Костиц стоит правее даже ряда буржуазных историков. То, что в 1966 г. преподносится им как последнее достижение личного исторического анализа, было рассмотрено некоторыми западными историками много лет назад, причем пришли они к совершенно иным выводам, которые отнюдь не меняются с годами в научном мире. Сошлемся на американскую историографию. В 1947 г. крупный историк из США проф. Ф. Шуман писал о позиции руководящих кругов Запада в 1939 году: «Все предпочитали гибель Польши защите ее Советским Союзом. И все надеялись, что в результате начнется война между Германией и СССР»²⁸. В серии полуофициальных работ, изданных в США под редакцией С. Уэллеса, в 1948 г. вышло исследование В. Дин. Она отмечала: США «не предприняли никаких активных шагов, чтобы предотвратить оккупацию Германией Австрии и Чехословакии или вторжение в Польшу. В этих условиях Советскому правительству было бы трудно убедить себя, что оно могло полагаться на международную организацию для обеспечения безопасности СССР или полагаться на США в качестве поддержки в случае нападения Германии или Японии»²⁹. Эксперт по американско-советским отношениям проф. У. Уильямс в книге, вышедшей в 1952 г., настаивал: в 1939 году «Россия не имела оснований ожидать сотрудничества, сколько-нибудь достойного упоминания, с США против Японии или Гитлера в обозримом будущем»³⁰. Наконец, проф. Д. Флеминг в своем капитальном труде в 1961 г. отмечал: «Заклучение союза для обуздания нацизма всегда было бы наилучшей политикой. То была бы здравая политика, когда Германия наносила удар по основанию европейского порядка и уничтожила три договора, милитаризовав Рейнскую область; то была бы здравая политика, когда она двинулась в Испанию, захватила Австрию, ликвидировала Чехословакию и набросилась на Польшу. На каждом этапе союз против агрессора был остро необходим, и в каждом случае Советский Союз давал обильные доказательства своего желания объединиться в таком союзе; но в каждом случае его сотрудничество отвергалось... Советское сотрудничество отвергалось по всем пунктам на протяжении пяти лет... Эту главу в международной политике,— заключает Д. Флеминг,— почти забыли на Западе. Однако ее не так легко забывают на Востоке»³¹. Труд С. Костица, однако, убеждает в противоположном: по «забывчивости» он оставил западных деятелей далеко позади...

3. Критики советской внешней политики, сознательно или по недомыслию, не видят существенного обстоятельства: германо-советский пакт ударил по единству держав «оси», что имело неопенимое значение для хода и исхода второй мировой войны. В беседе с японским министром иностранных дел И. Мацуока Гитлер говорил: «Могущество трех держав обусловлено их совместными действиями»³². Этих действий в 1939— начале 1941 г. в развернутом виде не получилось, и в первую очередь потому, что советско-германский пакт чрезвычайно усилил противоречия в стане агрессоров.

Серьезнейшие изменения произошли в Японии. Японское правительство Хиранумы, преодолев многомесячные колебания, 10 августа 1939 г. сообщило Берлину о своей готовности подписать наконец формальный военный союз с Германией. Вместо ожидавшейся благоприятной реакции гитлеровского руководства, в Токио вскоре получили

²⁸ F. Shuman. The Soviet Politics at Home and Abroad. N. Y. 1947, p. 376.

²⁹ V. Dean. The US and Russia. N. Y. 1948, pp. 20—21.

³⁰ W. Williams. American-Russian Relations. N. Y. 1952, p. 254.

³¹ D. Fleming. Op. cit. Vol. 1, pp. 97, 108.

³² «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов. Т. I. М. 1955, стр. 417.

известие относительно германо-советского пакта о ненападении. Прогерманское правительство Хиранумы пало; к власти пришел умеренный кабинет. Новое правительство поспешило урегулировать военный конфликт на Халхин-Голе. 26 августа английский посол в Токио сообщал в Лондон: «Я полностью обсудил со своими американским и французским коллегами создавшееся положение. Мы целиком согласны в том, что заключение советско-германского пакта укрепило в Японии позиции тех, кто стоит за достижение взаимопонимания с Великобританией и Соединенными Штатами»³³. Консолидация блока фашистских агрессоров была предотвращена. Видный японский государственный деятель М. Сигемицу подчеркивал: «Ровно в той степени, в какой Антикоинтерновский пакт был превращен в клочок бумаги, в такой же степени обязательства Японии были ликвидированы. Япония вновь обрела свободу действий. Отставка Хиранумы означала открытое признание банкротства прогерманской политики»³⁴. Пакт от 23 августа 1939 г. изменил обстановку на Дальнем Востоке, побудив Японию к осмотрительности. Он существенно облегчил также положение китайского народа, борвшегося с японской агрессией.

В Европе прямым следствием германо-советского пакта о ненападении был отказ фашистской Италии поднять оружие одновременно с Германией. Английский посол сообщал из Рима: «Теперь я убежден, что Италия не присоединится к Германии, если Гитлер начнет войну»³⁵. Заместитель министра иностранных дел Италии в беседе с германским послом не скрыл недовольства фашистских кругов в Риме в связи с подписанием договора от 23 августа 1939 года³⁶. Во франкистской Испании тоже сочли, что этот договор дает возможность Мадриду считать себя свободным от обязательств в отношении Германии.

Все это не могло ускользнуть от внимания информированных органов западной печати. Лондонский «Экономист» отмечал: «В Японии, первом антикоинтерновском союзнике Германии, правительство было вынуждено подать в отставку; оно заменено правительством, которое не является прогерманским. Результат в Испании — появление декларации о полном нейтралитете»³⁷. Английская «Санди таймс» указывала: «Договор с Россией стоил Германии дружбы Франко в Испании, поддержки Италии и помощи со стороны Японии... До этого момента Гитлер был удачлив в своей агрессии; после подписания договора с Россией удача оставила его»³⁸. Угроза держав фашистской «оси» человечеству привела к сплочению сил, выступивших против агрессии, что закладывало основы могучего союза Объединенных Наций. Даже еще не воевавший Советский Союз сдерживал Японию. Наличие на Дальнем Востоке крупных Советских Вооруженных Сил постоянно учитывалось в Токио. Как говорил один из влиятельных сторонников «движения на Юг», генерал Койсо, «осуществляя движение на Юг против волков, надо остерегаться тигра с северных ворот»³⁹.

Необходимо отметить также, что заключение советско-германского пакта о ненападении взорвало возникновение намечавшегося в ходе секретных переговоров империалистического блока Англии с Германией. В январе — марте 1941 г. на нескольких англо-американских штабных совещаниях была принята основополагающая стратегия западных союзников в войне («план АБЦ-1»): Германия — враг № 1, и надлежит на-

³³ «Documents on British Foreign Policy 1919—1938» (DBFP). 3d Series, vol. 7, № 589.

³⁴ M. Sigemitsu. Japan and her Destiny. L. 1958, p. 177.

³⁵ DBFP, vol. 7, № 173.

³⁶ Ibid., vol. 8, № 24.

³⁷ «The Economist», 2.IX.1939.

³⁸ «Sunday Times», 15.X.1939.

³⁹ См. В. А в а р и н. Борьба за Тихий океан. М. 1947, стр. 223.

нести поражение в первую очередь именно ей; основные усилия должны быть употреблены на европейском театре военных действий. По иным причинам — заботясь о своей национальной безопасности — Советский Союз пришел к аналогичным выводам относительно приоритета Европы в коалиционной войне против держав «оси». Угроза со стороны Японии, как бы ни были внушительны ее вооруженные силы, оставалась второстепенной. Чтобы сконцентрировать силы против главного потенциального врага — фашистской Германии, Советское правительство 13 апреля 1941 г. пошло на пакт о нейтралитете с Японией. Практически советско-германский договор от 23 августа 1939 г., взорвавший складывавшийся антисоветский фронт, способствовал в конечном итоге возникновению в 1941—1942 гг. могучей антифашистской коалиции. Основной сухопутный фронт отныне получил более или менее обеспеченный тыл. Так созрели условия для создания антифашистской коалиции. Реально понятые и трезво взвешенные интересы всего миролюбивого человечества, а также национальные интересы СССР, Англии и США привели к их сотрудничеству. Не вина Советского Союза, что путь к антигитлеровской коалиции оказался мучительно трудным, вызвал ненужные жертвы, страдания и лишения. Только тогда, когда произошли такие трагические события, как Дюнкерк, разгром Франции, нависла смертельная угроза над Великобританией, — на Западе пошли по тому пути, на который звало Советское правительство еще в 30-е годы и который выявился вопреки всем недругам СССР в первую очередь благодаря именно его усилиям.

Такова подлинная история тех лет. А мы видим, что С. Костич умалчивает о взаимосвязи пакта от 23 августа 1939 г. и договора от 13 апреля 1941 года. С другой стороны, абсолютно неверно утверждение автора, что «Гитлер был согласен с подписанием этого пакта» (между СССР и Японией. — Н. Я.) (стр. 146). Напротив, самостоятельность Японии в этом деле явилась неприятной неожиданностью для Берлина и произвела удручающее впечатление на гитлеровское руководство. Все это хорошо известно и не требует особых комментариев. Увы, и эти факты остались вне страниц разбираемого учебника. Более того, обстоятельства заключения советско-японского договора от 13 апреля 1941 г. изложены (стр. 146—147) с явным намерением очернить советскую внешнюю политику. С. Костич повторяет утверждения западной пропаганды о том, что советско-японский договор о нейтралитете чуть ли не явился причиной войны на Тихом океане. Известно другое: Япония никогда не выполняла положений этого договора и продолжала, в частности, держать на всем протяжении второй мировой войны громадную Квантунскую армию у границ Советского Союза. Лояльность Токио в отношении договора прямо зависела от хода вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Но и этого мало, Советский Союз, видевший вероломство милитаристской Японии, в период Великой Отечественной войны был вынужден держать до 40 дивизий на Советском Дальнем Востоке⁴⁰. Концентрация японских вооруженных сил в Маньчжурии привела к тому, что Япония могла употребить сравнительно ограниченные сухопутные силы для войны против США и Англии. Это наложило решающий отпечаток на стратегию и ход всей войны на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

Американский исследователь Р. Батоу указывает: в 1941—1942 гг. «мобилизация и сосредоточение наземных и воздушных сил (для войны против СССР. — Н. Я.) были самыми крупными за всю историю японской армии... В Корее и Маньчжурии было собрано такое чудовищное количество вооружения и снаряжения, что (несмотря на позднейшие изъятия) около 50% их осталось в этом районе, когда закончилась в

⁴⁰ См. «Финал. 3 сентября 1945». М. 1966.

1945 г. война на Тихом океане»⁴¹. Широкая подготовка сухопутным командованием армии войны против СССР связала руки командованию японского флота, вынашивавшему честолюбивые планы. Весной 1942 г. после головокружительных успехов командование японского флота приняло решение перенести центр операций в Индийский океан, захватить остров Цейлон с дальнейшим развитием операций на запад, имея конечную цель добиться стратегического объединения с Германией в районе Среднего Востока. Осуществление этого плана могло бы иметь серьезные последствия для Объединенных Наций.

План был доложен на совещании у японского императора в марте 1942 года. Для осуществления его были необходимы крупные сухопутные силы. Командование армии отказалось предоставить просимые дивизии, сославшись на то, что армия «должна быть в полной готовности на случай вступления Японии в войну с Советским Союзом»⁴². Пришлось отказаться от действий в Индийском океане. По аналогичным причинам Токио не смогло провести вторжение в Австралию, намеченное командованием флота. В результате японские кампании против США и Англии утратили стратегические цели и вылились в бесконечную борьбу на островах Тихого океана и в джунглях Бирмы. Эти кампании вел преимущественно флот, а основные сухопутные силы продолжали стоять у советских границ. Так не воевавший в то время на Дальнем Востоке Советский Союз серьезно влиял на ход войны и всю стратегию на Тихом океане.

4. Ход самой вооруженной борьбы на фронтах второй мировой войны изложен в книге более или менее объективно. Автор подчеркивает значение поражения гитлеровцев зимой 1941—1942 г., указывая: «Страшный разгром Гитлера под Москвой был причиной его поражения во второй мировой войне» (стр. 157). Рассмотрев Сталинградскую битву, С. Костиц заключает: «Сталинградская операция явилась концом стратегической обороны. С этого момента и вплоть до окончания войны Красная Армия знала только одну команду — наступать и преследовать фашистских захватчиков» (стр. 177). Однако стоило автору перейти к политическим вопросам, как всякая объективность исчезла, а изложение вновь приобрело, мягко говоря, субъективный характер.

Пример тому — освещение польского вопроса. На взгляд автора, Англия «постоянно настаивала на легализации польского эмигрантского правительства, считая, что в противном случае предаст польского союзника, ради которого 3 сентября 1939 г. она и вступила в войну против Гитлера» (стр. 194). Начнем с того, что здесь С. Костиц явно грешит против исторической истины. Во-первых, что давным-давно известно, Англия объявила войну Германии вовсе не из-за Польши. Правительство Чемберлена всегда было готово предать и на деле предало Польшу. Во-вторых, «на легализации» эмигрантского правительства Лондон настаивал вовсе не по указанным в учебнике «высокоморальным соображениям», а стремясь прежде всего распространить власть этого подконтрольного ему правительства на освобождаемые Красной Армией районы с конечной целью восстановить антисоветский «санитарный кордон» вдоль границ Советского Союза.

Пойдемте дальше. Советский Союз, всерьез утверждает автор, «ни как не мог признать старое польское правительство, против которого 23 августа 1939 г. заключил пакт с Гитлером, что и привело к четвертому разделу Польши. Признать это правительство — значило дать ему возможность после войны поставить вопрос относительно 23 августа 1939 года» (стр. 194). Здесь все поставлено с ног на голову. В июне 1941 г. СССР установил дипломатические отношения с эмигрантским

⁴¹ R. Butow. Tojo and the Coming of the War 1941. Princeton. 1961, p. 220.

⁴² М. Футида, М. Окумия. Сражение у атолла Мидуэй. М. 1958, стр. 82.

польским правительством и заключил с ним Договор о совместной борьбе и взаимной помощи в войне против Германии. Однако эмигрантское польское правительство не прекратило враждебной политики в отношении СССР. Созданная на советской территории по договоренности с польским эмигрантским правительством в Лондоне польская армия оказалась сражаться совместно с советскими войсками против гитлеровцев. В то время как советские люди вели неслыханно тяжелую борьбу с наступающим врагом, эта армия во главе с Андерсом ушла из СССР на Ближний Восток. В публикации английского королевского Института международных отношений в этой связи отмечается: с точки зрения советского народа, «это неизбежно выглядело, как бегство.., ибо тогда битва за Сталинград только начиналась»⁴³.

Весной 1943 г. эмигрантское польское правительство резко усилило свою антисоветскую деятельность, фактически солидаризовавшись с фашистами. 25 апреля 1943 г. Советский Союз разорвал отношения с этим правительством. В заявлении Советского правительства указывалось: «В то время, как народы Советского Союза, обливаясь кровью в тяжелой борьбе с гитлеровской Германией, напрягают все силы для разгрома общего врага русского и польского народов и всех свободлюбивых демократических стран, польское правительство в угоду тирании Гитлера наносит вероломный удар Советскому Союзу»⁴⁴. Таковы факты.

В учебнике, однако, дается поразительная версия: будто бы стратегические операции Советских Вооруженных Сил строились с оглядкой на кучку эмигрантских польских политиков в Лондоне. На стр. 194—195 содержатся такие рассуждения на этот счет: «Остановка Красной Армии на Висле и Немане (ранней осенью 1944 г.— Н. Я.) оправдывалась тем, что в связи с огромной протяженностью коммуникационных линий было поставлено под угрозу обеспечение в первую очередь мотомеханизированных частей на коммуникационном направлении Висла—Киев—Ростов—Баку, протяженностью до 3 400 км. В действительности эта остановка была неоправданной, так как выход Красной Армии на Карпаты и взятие нефтяных источников под Плоешти в Румынии сократили коммуникационные линии на целых 2 400 км. Кроме того, предоставление возможности разбитому врагу выйти из борьбы вместо того, чтобы безжалостно гнать его, позволило ему прийти в себя, собраться с силами, перегруппировать и консолидировать фронт для дальнейшей борьбы... Остановка неизбежно требовала продолжения наступления Красной Армии, которая в едином порыве смяла бы гитлеровские войска на оставшемся оперативном направлении, протяженностью в 1 200 км, до самой голландской границы. Это было возможно, учитывая полное обеспечение левого фланга и тыла Красной Армии». Но Советский Союз не сделал этого, ибо якобы «ждал и дождался поражения Варшавского восстания и поражения союзников в Арденнах» (стр. 195).

Невольно напрашивается вопрос: не даны ли раньше в учебнике лестные отзывы о мощи Красной Армии только для того, чтобы подтвердить, что она могла «в едином порыве» осенью 1944 г. покрыть 1 200 км до голландской границы?

Бывают случаи, когда по завершении войны возникает спор между компетентными профессиональными военными специалистами о том, что могло бы быть сделано в ходе боевых действий. В 1964—1965 гг. Маршал Советского Союза В. И. Чуйков в ряде статей высказал мнение, что Советские Вооруженные Силы, начавшие наступление в январе 1945 г.,

⁴³ W. McNeill. America, Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict 1941—1945. L. 1953, p. 211.

⁴⁴ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. 1, стр. 301—303.

могли бы овладеть Берлином уже в феврале. «Что касается риска,— писал В. И. Чуйков,— то на войне нередко приходится идти на него. В Висло-Одерскую операцию наши войска прошли уже свыше 500 км, и от Одера до Берлина оставалось всего 60—80 км»⁴⁵. Спор возник из-за того, могли или не могли советские войска пройти тогда эти 60—80 км. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, подробно разобрав Берлинскую операцию, на фактах доказал, что это было невозможно: в ходе предыдущего наступления за двадцать дней войска продвинулись более чем на 500 км. «Естественно, при столь высоком темпе продвижения,— указывал Г. К. Жуков,— тылы отстали и войска ощущали нужду в материальных средствах... Опыт истории показывает, что рисковать следует, но нельзя зарываться. В этом отношении очень показателен урок с наступлением Красной Армии на Варшаву в 1920 году, когда необеспеченное огульное продвижение вперед привело вместо успеха к тяжелому поражению войск Западного фронта»⁴⁶. Ознакомление хотя бы с этим спором дополнительно свидетельствует о несостоятельности доводов С. Костица. Советские войска, возобновившие наступление в январе 1945 г., имели четыре месяца на подготовку. Но даже в этих условиях они не смогли в ходе одной операции достичь Берлина, хотя поставили перед собой такую цель. Ставка в конце января 1945 г. утвердила предложение 1-го Украинского фронта об овладении Берлином гораздо позднее⁴⁷. Как же могли наши войска достичь «голландской границы» в 1944 г., как категорически утверждает это С. Костиц? Предоставим это его совести.

Советские историки подробно проанализировали политические аспекты Варшавского восстания. Они приводят многочисленные свидетельства о том, что Советские Вооруженные Силы не могли в тогдашних условиях продолжать наступление. Как заметил англичанин А. Верт, советские войска, измотанные в предшествующих боях, «действительно были не в состоянии овладеть Варшавой»⁴⁸. Американский историк Д. Флеминг указывает: «В конце рывка почти беспрецедентного размаха, когда их наступательная сила была израсходована, русские ворвались в чрезвычайно мощный пояс обороны перед Варшавой. Они были отброшены назад и должны были остановиться для отдыха, перегруппировки, строительства железнодорожных путей, подвоза снабжения, а затем наступать снова... То, что Красная Армия не ожидала умышленно около Варшавы, пока Армия Крайова будет уничтожена в городе, полностью установлено военной историей того времени»⁴⁹. Влиятельная английская газета «Observer» в августе 1964 г. в специальной статье еще раз вернулась к истории Варшавского восстания. «В военном отношении восстание было направлено против немцев, а в политическом — против Советского Союза». Отвергнув «популярную версию» о том, что Красная Армия якобы не оказала помощи восставшим, газета заключала: «В действительности немецкие бронетанковые части одержали кровавую победу к северо-востоку от Варшавы, уничтожив советские танковые части, продвигавшиеся в направлении к столице. Красная Армия отошла и начала готовить перегруппировку сил. Таким образом, восстание произошло в момент, когда к Варшаве были стянуты крупные германские подкрепления. В середине сентября русские опять двинулись к Висле, но к этому времени немцы выбили восставших из прибрежной полосы в Варшаве и прочно удерживали район переправы. Польская бригада попыталась переправиться вместе с

⁴⁵ «Новая и новейшая история», 1965, № 2, стр. 7.

⁴⁶ «Военно-исторический журнал», 1966, № 6, стр. 16, 17.

⁴⁷ Там же, стр. 15—16.

⁴⁸ A. Werth. Russia in the War 1941—1945. L. 1964, p. 882.

⁴⁹ D. Fleming. Op. cit., pp. 234—235.

Красной Армией, но была наголову разбита»⁵⁰. В боях на Варшавском направлении только с 1 августа до середины сентября 1944 г. советские войска потеряли 289 тыс. человек убитыми и ранеными. Просто кощунственными являются рассуждения антикоммунистических пропагандистов, с которыми солидаризируется С. Костич, о том, что Красная Армия будто бы была сознательно остановлена советскими лидерами на подступах к столице Польши. Те, кто организовал эту бесполезную бойню в Варшаве, заметая следы перед историей, утверждают, что Советская Армия могла помочь восставшим, но Советское правительство, якобы руководствуясь политическими соображениями, не оказало возможной помощи. Эта лживая версия пущена в оборот врагами Советского Союза с целью причинить ему политический ущерб и скрыть истинных виновников преступления, каковыми являются польское эмигрантское правительство и стоявшее за его спиной правительство Черчилля. К сожалению, С. Костич оказался в числе лиц, распространяющих указанную версию.

5. Безответственные экскурсы в сферу военной стратегии имеют определенный смысл. После вольного рассказа о событиях осени 1944 г. автор подводит итог: «Здесь важно напомнить, что во время встречи в Москве в октябре 1944 года Сталин и Черчилль не смогли найти решения в польском вопросе, но зато договорились об объеме сфер влияния на Балканах: 80% : 20% в Болгарии, Венгрии и Румынии; в Югославии 50 : 50; Греция отдана Великобритании на 100%. Это интимное свидание Черчилля со Сталиным со всей очевидностью раскрывает их империализм на Балканах и одновременно объясняет случай с Польшей» (стр. 195). Странно и больно читать эту версию в книге, вышедшей в социалистической стране. Авторство принадлежит здесь У. Черчиллю, а самый тезис воспроизводится по его мемуарам. Описывая встречу с И. В. Сталиным в Москве 9 октября 1944 г., Черчилль писал: «Создалась деловая атмосфера, и я заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли Вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90% в Румынии, на то, чтобы мы занимали преобладающее положение на 90% в Греции и пополам в Югославии?». Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал: «Румыния: Россия — 90%, другие — 10%; Греция: Великобритания (в согласии с США) — 90%, Россия — 10%; Югославия: 50 — 50%; Венгрия: 50 — 50%; Болгария: Россия — 75%, другие — 25». Я передал этот листок Сталину, который к тому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне»⁵¹.

Только обладая необузданной фантазией, какой был наделен У. Черчилль, можно было объявить этот эпизод заключением соглашения о разделе «сфер влияния». Но даже из изложения У. Черчилля видно, что И. В. Сталин ни словом не выразил своего «положительного» отношения к происходившему. В архиве МИД СССР есть запись беседы И. В. Сталина с У. Черчиллем от 9 октября 1944 г., в которой сказано: «Черчилль заявляет, что он подготовил довольно грязный и грубый документ, на котором показано распределение влияния Советского Союза и Великобритании в Румынии, Греции, Югославии, Болгарии. Таблица составлена им для того, чтобы показать, что думают по этому вопросу англичане»⁵². Отсюда видно, что британский премьер действительно высказы-

⁵⁰ «Observer», 9.VIII.1964.

⁵¹ W. Churchill. The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. Boston. 1953, p. 198.

⁵² См. И. Земсков. О так называемом «разделе» Югославии на «сферы влияния». «Международная жизнь», 1958, № 8, стр. 74.

вал свою идею, а советская сторона выслушала ее и приняла к сведению. Вот и все. Никакого «соглашения» не только не заключалось, но экстравагантные взгляды высокого английского гостя вообще не обсуждались. Короче говоря, советские представители вели себя как тактичные хозяева, принимающие не очень воспитанного гостя, явившегося с «довольно грязным и грубым документом».

Когда же в последующие несколько месяцев Черчилль попытался действительно истолковать этот инцидент как некое «соглашение», то получил отпор от Советского правительства. В переписке Черчилля и И. В. Сталина в апреле 1945 г. был затронут вопрос о политике великих держав на Балканах. 28 апреля 1945 г. Черчилль писал И. В. Сталину: «Я должен также сказать, что ход событий в Югославии таков, что я не чувствую соотношения интересов наших стран, как 50% к 50%». На это И. В. Сталин 4 мая 1945 г. ответил: «Должен сказать, что я не могу согласиться с Вашими доводами, которые Вы приводите в обоснование своей позиции»⁵³.

Опытный политический деятель, каким был Черчилль, разумеется, меньше всего был заинтересован в том, чтобы воспроизвести эпизод, имевший место во время переговоров в Москве в 1944 г., для простого «оживления» шеститомных мемуаров. Он преследовал вполне определенную цель — распространить ложь относительно подлинной политики СССР. Не следует забывать, что шестой том мемуаров Черчилля, где рассказывается о его поездке в Москву в октябре 1944 г., увидел свет в 1953 году. И в то время, и ранее, и позднее империалисты не щадили своих усилий, чтобы попытаться вбить клин в отношения между социалистическими странами вообще, СССР и Югославией в частности. Известно, однако, как относился югославский народ и руководители его освободительной борьбы к Советскому Союзу: «Наши жертвы, наши усилия, наша вера,— говорил в 1945 г. Э. Кардель,— увенчались победой потому, что на нашей стороне стоял могучий Советский Союз и его Красная Армия»⁵⁴. Орган Коммунистической партии Югославии газета «Борба» 23 февраля 1945 г. подчеркивала: «Мы глубоко уверены в том, что участие Красной Армии в войне против фашизма явилось основным условием, которое обеспечило нашу борьбу за национальное освобождение. Участие Красной Армии в борьбе против Германии и Италии обусловило наше народное восстание. Без этого участия невозможно представить нашу партизанскую войну. Без борьбы Советского Союза и его Красной Армии против фашистских поработителей наше восстание было бы заранее обречено на поражение». И. Броз-Тито в июне 1946 г. указывал: «Наши народы знают, что без помощи Советского Союза мы никогда бы не достигли того, что имеем сейчас,— свободную, федеративную, независимую республику Югославию».

6. Послевоенный период истории международных отношений не случайно озаглавлен С. Костичем «Организация Объединенных Наций». Хотя автор не может не признать в ряде случаев положительной роли Советского Союза на международной арене, свои основные усилия он употребил, чтобы не описать подлинную историю международных отношений, а ознакомить своих читателей с обвинительным заключением в адрес некоего «империализма» Советского Союза. Причем прокурором у него выступают «малые страны», которые хлопочут о поддержании мира и международной безопасности, постоянно подвергаясь угрозе со стороны великих держав вообще, СССР в частности. Рассуждая затем о международных отношениях всего послевоенного периода, С. Костич под-

⁵³ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», Т. I. М. 1957, стр. 345, 352.

⁵⁴ См. «Известия», 17.VI.1945.

водит итог: «Таким образом, все четыре великие державы, включая и американского сателлита Чан Кай-ши как пятого постоянного члена Совета Безопасности, отрицали Устав ООН как универсальное международное право, ибо Устав мешал им в междоусобных расчетах и борьбе за господство в мире» (стр. 256—257).

Если принять в соображение эту «любопытную» точку зрения, то во взглядах автора многое проясняется. В самом деле, на этот период падают возникновение и консолидация мировой системы социализма. Мировое социалистическое содружество сложилось как добровольный союз народов, в основе которого лежат равноправие и братская взаимопомощь. Эти положения были неоднократно зафиксированы во внешнеполитических документах Советского Союза и других социалистических стран. На взгляд автора, однако, социалистическое содружество возникло совершенно по-другому: путем осуществления «великодержавной концепции» Сталина, «включившего экономику малых государств и оккупированных территорий в экономику СССР...», что означало экономическую зависимость от СССР». Советский Союз якобы «интересовали не идеологические принципы марксистско-ленинского учения об установлении отношений с малыми социалистическими государствами, а исключительно экономические и политические интересы усиления великодержавных сталинских концепций с целью достижения превосходства в мире» (стр. 284). Иными словами, автор предельно извращает подлинную историю взаимоотношений между СССР и странами народной демократии. Он договаривается здесь до того, что объявляет февральские события 1948 г. в Чехословакии ее «падением», потерей своей политической и экономической независимости (стр. 285). Как видим, С. Костиц щедро расходует черную краску, рисуя отношения СССР со странами народной демократии после второй мировой войны. Но рассуждения его об их «зависимости» от СССР рассыпаются при столкновении с фактами. Так, в середине 1947 г. страны народной демократии восстановили либо превысили довоенный уровень промышленного производства, в то время как большинство стран Западной Европы, хотя и получавшие уже долларовые подачки, еще не достигло уровня 1938 года. Потребовались различные программы американской помощи, чтобы заставить быстрее завертеться колеса западноевропейской экономики.

Получается, что автор сожалеет о том, что в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, освобожденных Советскими Вооруженными Силами, народы взяли власть в свои руки, а Советский Союз выполнил свой интернациональный долг, помогая им в этом. Более того, С. Костиц пытается заклеить СССР за эту помощь. Как иначе можно понять рассуждения С. Костица, осуждающего задним числом февральские события в Чехословакии? Если придерживаться элементарной логики, то получается, что автор учебника выступает сторонником порядков, отвергнутых народами стран социализма, включая народы самой Югославии. Следовательно, он отрицает историческую закономерность социалистической революции, прокатившейся по странам Восточной и Юго-Восточной Европы в результате разгрома фашизма и последующей ликвидации трудящимися власти своих эксплуататоров.

Итак, суть тезисов С. Костица проста: он обвиняет СССР за то, что Советский Союз стоял на стороне народов Восточной Европы, подымавшихся на социалистическую революцию, и помог им завершить эту революцию победой. Костиц называет эти действия СССР навязыванием своей воли странам народной демократии. Известно, однако, что видные деятели Югославии совершенно по-иному оценивали эту роль СССР. Видный военный и политический деятель СФРЮ Коча Попович писал в 1949 г.: «Без Советской Армии, без ее ведущей роли в войне против фашизма и в победе над ним, без ее силы и силы совет-

ского социалистического строя война бы не закончилась так, как она закончилась. Советская Армия спасла человечество от фашистской чумы... Мы утверждали и утверждаем, что участие и ведущая роль Советской Армии в антифашистской войне не только обеспечили на заключительном этапе войны отрыв ряда стран от империалистической цепи, но и обеспечили в начале и в ходе войны борьбу народов против оккупантов и против предательской буржуазии как в поработанных странах, так и в странах-сателлитах⁵⁵.

Но С. Костиц не только перечеркивает суждения авторитетных югославских деятелей. Он бросает СССР и другое обвинение: почему Советское правительство не осуществило государственного вмешательства в дела Франции и Италии, когда в этих странах реакция в 1947—1948 гг. при поддержке США перешла в наступление? «В этой обстановке, — пишет автор, — Сталин не стал вмешиваться, да и не думал вмешиваться, так как Франция и Италия были для него всего лишь испытательным полигоном для пробы сил и сохранения равновесия в этих областях. Однако в смысле политической стратегии в эпизоде с Францией и Италией Сталин допустил роковую ошибку., в результате которой скоро произошли обновление и ремилитаризация Германии» (стр. 285). Что за логика! После фальшивых утверждений об «империализме» СССР вдруг делается поворот на 180° и выдвигается обвинение Советскому государству в том, что оно не пошло на «экспорт революции», интервенцию и авантюру. А попутно на СССР возлагается ответственность за ремилитаризацию Западной Германии!

7. Война в Корее. О ней рассказывается в книге с позиций официальной американской пропаганды. При самом внимательном изучении текста учебника нельзя найти разницы между содержащейся в нем концепцией и официальной версией правящих кругов США, оправдывающих американскую агрессию. Из книги С. Костица можно узнать вещи, до которых не додумались даже эксперты по психологической войне Информационного агентства США. На стр. 308 автор сообщает: «Военный план нападения на Корею и Тайвань предусматривал координацию боевых сил СССР и Китая: нападение на Южную Корею должно было проходить под советским руководством, нападение на Тайвань — под китайским. Политический смысл этого плана заключался в установлении контроля СССР над всей Кореей, а КНР — над Тайванем». Удивительно информированный автор!

В декабре 1950 г. в Вашингтоне состоялись переговоры Трумэна с Эттли. Президент и премьер обсудили войну в Корее. Эттли, сославшись на мнение правительств стран Азии — членов Британского Содружества, подчеркнул непримиримость КНР в отношении возможности мирного урегулирования в Корее. Как сказал Эттли, «даже если русские могут желать урегулирования, это вовсе не обязательно убедит Мао Цзэ-дуна... Задача заключается в том, чтобы разделить китайцев и русских»: Трумэн в целом согласился с этой точкой зрения, указав: «Я думаю, что в конце концов китайцы поймут, что их настоящие друзья — не в Москве и Сибири; они в Лондоне и Вашингтоне»⁵⁶. Однако никто даже в западных кругах в то время не думал, что существует какой-то «зловещий» совместный советско-китайский план в отношении Кореи. Об этом все впервые узнали из книги С. Костица.

Боевые действия в Корее, на взгляд автора, называющего агрессию с юга «войной Объединенных Наций», были прекращены потому, что «мировое демократическое общественное мнение не хотело мириться с насилием США путем применения атомной бомбы и равным обра-

⁵⁵ «Военно-политический вестник» (журнал Главного политического управления Югославской армии), 1949, № 5, стр. 35.

⁵⁶ «Memoirs by Harry S. Truman». Vol. 2. N. Y. 1965, pp. 452, 458, 464.

зом не хотело мириться с насильственной агрессией СССР и КНР, как и с их бесчисленными антиленинскими концепциями о необходимости войны» (стр. 316—317). Вновь необоснованные заявления! С каких это пор война в Корее, метко прозванная самим американским народом «войной г-на Трумэна», стала считаться «войной Объединенных Наций»? А куда испарилась агрессия США? К тому же США отнюдь не одержали «победу» в Корее, как полагает автор. Мирные переговоры летом 1953 г. завершились успехом, ибо в Вашингтоне осознали, что дальнейшее ведение войны в Корее сорвет американскую глобальную стратегию. В тот период Соединенные Штаты, во исполнение небезызвестной директивы Национального совета безопасности США за № 68, форсировали военную подготовку держав НАТО в Европе; боевые действия в Корее отвлекали необходимые для этого ресурсы. Военная экономика США еще не набрала таких темпов, которые позволили бы обеспечить сразу нужды агрессивной группировки в Европе и войну в Корее⁵⁷.

Сущность известного конфликта Трумэна — Макартура и состояла в том, что президент осадил зарвавшегося генерала, ведшего дело прямо ко всеобщей войне. «До завершения строительства нашей военной мощи, — писал Трумэн, — мы должны быть чрезвычайно осмотрительны в расширении сферы боевых действий. Шаги, которые могут быть полностью оправданы и помогут кампании в Корее, не будут благоприятны, если в результате Япония или Западная Европа окажутся вовлечены в широкие боевые действия»⁵⁸. Попытка расширить конфликт на Дальнем Востоке, как предлагал Макартур, превратила бы «ограниченную войну» в Корее во всемирный пожар, а на это тогдашнее американское правительство не было готово пойти. Советский щит прикрыл народы Северной Кореи и Китая, спас их от интенсификации американской агрессии. Во время обсуждения вопроса об американской политике на Дальнем Востоке в конгрессе США в 1951 г. министру обороны Дж. Маршаллу был задан вопрос: «Если бы Вы были убеждены, что Советские Вооруженные Силы не примут участия в случае войны с Китаем, то рекомендовали бы Вы генералу Макартуру бомбить Маньчжурию?» Дж. Маршалл ответил: «Если бы не было никакой опасности вмешательства СССР, упомянутые Вами бомбардировки начались бы без всякого промедления»⁵⁹.

В мемуарах Д. Эйзенхауэра указывается, что, не пойдя на риск всеобщей войны, США не могли ликвидировать желательным для себя образом свой стратегический тупик в Корее. «Было ясно, — писал Эйзенхауэр, — что нам пришлось бы использовать атомное оружие... Если бы мы решили провести большое наступление нового типа, тогдашнюю политику пришлось бы изменить и согласовать новую с нашими союзниками. Прежде всего речь шла о предполагаемом использовании атомного оружия»⁶⁰. Отрицательная позиция американских союзников в этом вопросе была общеизвестна. Кроме того, замечает А. Иден, «никто не был в состоянии нести потери, которых потребовало бы новое наступление»⁶¹. Военное и политическое бессилие США и заставило их пойти на перемирие в Корее.

Наконец, о рассуждениях С. Костица по поводу того, что Советский Союз в начале 50-х годов «стоял за войну». Поразительны утверждения автора, что советская внешняя политика развивалась путем «мировой революции, которой никто в мире не хотел» (стр. 317). Этот тезис не разделяют даже достаточно серьезные западные деятели. Со-

⁵⁷ См. С. Phillips. The Truman Administration. N. Y. 1966, pp. 305—308.

⁵⁸ Ibid., p. 335.

⁵⁹ «The New York Times», 9.V.1951.

⁶⁰ D. Eisenhower. Mandate for Change. N. Y. 1963, p. 289.

⁶¹ A. Eden. The Full Circle. L. 1960, p. 28.

шлемся на авторитетное свидетельство автора доктрины «сдерживания» Дж. Кеннана. Он указывал в 1958 г.: «Я никогда не думал, что Советское правительство хотело всеобщей мировой войны когда бы то ни было, начиная с 1945 г., или что оно по каким-либо рациональным политическим мотивам склонно было начать такую войну, даже если бы атомная бомба не была изобретена»⁶².

8. По мере приближения к нашим дням изложение автора становится несколько более объективным. Однако он не замечает очевидного противоречия в собственном изложении, настаивая, что якобы в последний период изменилась позиция советских руководителей по вопросам международных отношений. С. Костиц никак не может взять в толк, что внешняя политика Советского Союза на протяжении всех пятидесяти лет его существования формировалась с учетом объективных факторов, исходила из политического реализма. Дело не в лицах, как это полагает С. Костиц, а в том, что именно соответствовало или не соответствовало интересам Советского государства, интересам трудящихся всего мира, делу борьбы за социализм и коммунизм, ибо внешняя политика всегда класса и отражает интересы господствующих классов страны, в СССР — рабочих и крестьян.

С октября 1917 г. Советский Союз выполняет великую историческую миссию, являясь оплотом социализма. Страшные жертвы и тяжелые страдания выпали советскому народу на этом пути: многие годы войн, десятилетия напряженного труда и лишений. Только в Великой Отечественной войне советский народ потерял 20 миллионов человек. Эти люди погибли, не только защищая свою страну, но и ради того, чтобы могли благоденствовать все народы, в том числе и народы Югославии. Советские люди видят свой интернациональный долг в том, чтобы помогать трудящимся всех стран и народам, вставшим на путь социализма. Поэтому вдвойне обидно читать в книге, вышедшей в социалистической стране, такую, скажем, оценку современных усилий Советского Союза в области экономики: «Экономическая экспансия США и политика экономического подчинения СССР не являются классическим империализмом; лучше всего они могут быть определены военно-стратегическим термином «позиционной» и «окопной» войны, в которой «железный занавес» есть разделяющая линия между капитализмом и социализмом. Обе стороны стремятся выиграть время с целью накопить силы и средства для решающего сражения, а всего вероятнее — для честного перемирия, поскольку обе стороны исчерпают себя» (стр. 285). Не правда ли, знакомая терминология? Сотни раз советские люди слышали это от своих недругов, и им абсолютно ясно, что или прямой враг СССР, или крайний субъективист может ставить на одну доску миролюбивую политику Советского Союза и агрессивную политику Соединенных Штатов Америки и не видеть коренной разницы между ними.

И последнее. Уже отмечалась прискорбная приверженность С. Костица к тому, чтобы измерять добродетели государств обратно пропорционально их размерам. На этом пути автор зашел далеко и берет на себя очень многое. Мы, восклицает он, «испытали это (помощь СССР Югославии во вторую мировую войну.— Н. Я.) на собственной шкуре., напрасно ожидая обещанную помощь» (стр. 109). Это — грубое искажение истины. Советский Союз оказал значительную помощь НОАЮ. Так, в конце 1944 г. НОАЮ было передано все необходимое для двух авиационных дивизий, нескольких батальонов аэродромного обслуживания, отдельных авиационных частей и частей ПВО, в том числе 350 боевых самолетов. В 1944—1945 гг. НОАЮ было передано то же для двух танковых бригад, насчитывавших 130 танков «Т-34». Помимо того, в 1944—1945 гг. НОАЮ было передано: винтовок и карабинов—96 тыс., ручных,

⁶² «Harper's Magazine», February 1958, p. 38.

станковых пулеметов и автоматов — 68 тыс., противотанковых ружей — 3 800, минометов — 3 400, зенитных орудий — 170, орудий — 900, сверх того — 491 самолет, 65 танков, 1 300 радиостанций, большое количество снаряжения и продовольствия. Советские Вооруженные Силы провели на территории Югославии крупные наступательные операции, разгромив большие силы врага, и совместно с частями НОАЮ освободили столицу Югославии Белград⁶³. В кровопролитных сражениях на территории Югославии пали тысячи советских воинов, была скреплена боевая дружба советского и югославского народов. Этого не удастся вычеркнуть из памяти обоих народов никогда и никому!

«Становление нового типа международных отношений — сложный и многогранный процесс, связанный с преодолением тяжелого наследия, оставленного многовековым господством эксплуататорских классов: национальной замкнутости, розни, недоверия... Все эти гигантские задачи коммунистическим партиям приходится решать впервые»⁶⁴. Сами объективные трудности достаточно велики. Тем более прискорбно, когда к ним прибавляются субъективные моменты, вроде тех, каковыми являются ненаучные и тенденциозные упражнения по типу книги д-ра Костица.

Эта книга противоречит благородной задаче каждого подлинного ученого — помогать братскому сближению народов. Она полна произвольных утверждений и выводов, противоречащих историческим фактам. Если подлинно научное сочинение, направленное на установление объективной истины, неизбежно содействует углублению понимания хода исторического процесса, то рассмотренная книга отнюдь не помогает читателю в этом направлении. Напротив, она способна исказить этот ход, особенно в умах учащейся молодежи.

Если здесь потребовался разбор концепций С. Костица, которые с научной точки зрения не представляют ценности, то это сделано лишь для восстановления исторической правды, и прежде всего в интересах развития дружественных отношений между СССР и СФРЮ. Советским людям близки и дороги судьбы братских народов Югославии, и поэтому всё, что способно хоть в малейшей степени бросить тень на исторические узы нашей дружбы, скрепленной пролитой в годы войны кровью и упроченной идеями строительства социализма и коммунизма, — вызывает у советских читателей негодование и закономерный протест.

⁶³ «Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение Югославии». Под ред. С. С. Бирюзова. М. 1960, стр. 47—52, 71.

⁶⁴ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Указ. изд., стр. 53.